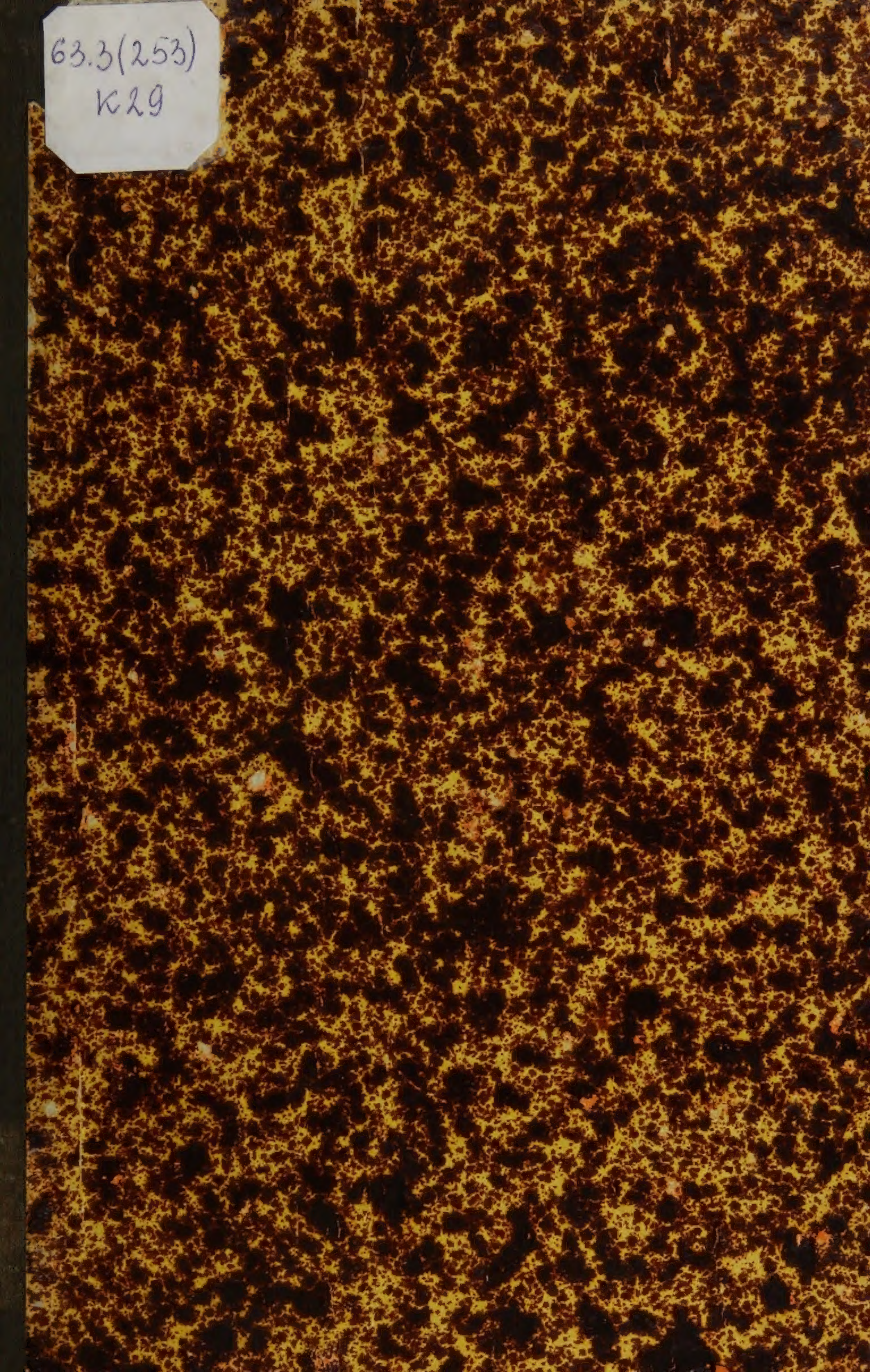
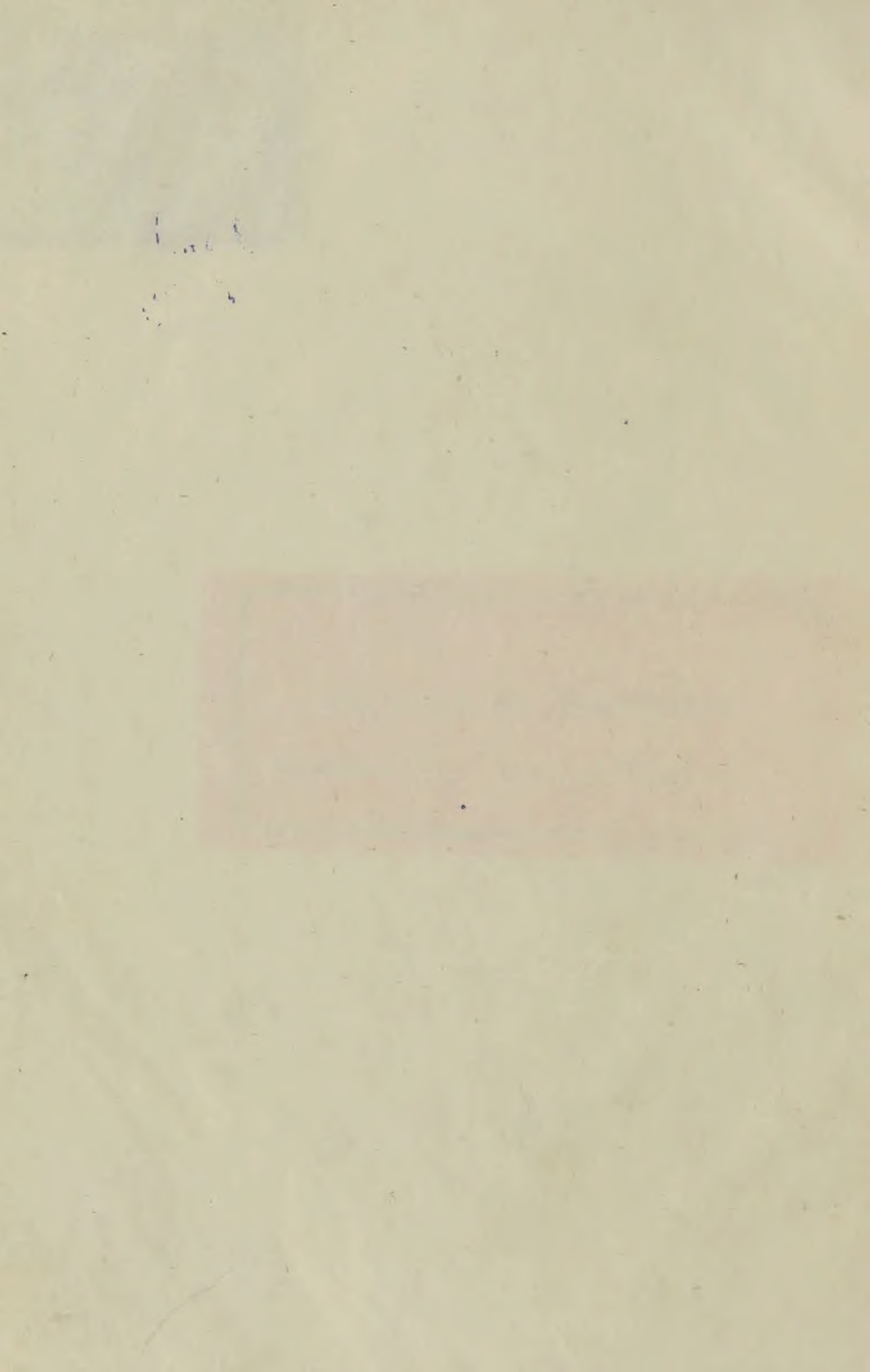

63.3(253)
K29

Г. Катанаев.

Катанеев

ЕЩЕ ОБЪ ЕРМАКѢ
И
ЕГО СИБИРСКОМЪ ПОХОДѢ

(НОВЫЯ ВАРІАЦІИ НА СТАРУЮ ТЕМУ).

Изъ „Записокъ" Зап.-Сиб. Отд. Императорскаго Русск. Геогр. Общ., кн. XIV, вып. 2.

ОМСКЪ,
Типогр. Окружн. Штаба.
1893.

ПЕЧАТАНО ПО ПОСТАНОВЛЕНІЮ ЗАП.-СИБ. ОТД. ИМПЕРАТОРСКАГО РУССК. ГЕОГР. ОБЩ.

ЕЩЕ ОБЪ ЕРМАКѢ
и
ЕГО СИБИРСКОМЪ ПОХОДѢ
(НОВЫЯ ВАРІАЦІИ НА СТАРУЮ ТЕМУ).

Начальныя сношенія русскихъ съ аборигенами Сѣверо-Западной Сибири.— Новгородскіе и Московскіе походы въ Югру.—Строгановы и ихъ роль въ занятіи русскими при-Камскаго и за-Уральскаго края.—Волжско-Камская вольница Ермака.—Кто былъ Ермакъ.—Сибирскій походъ Ермака до занятія Искера.—Дѣятельность Ермака по занятіи Искера до прихода правительственныхъ войскъ.—Совмѣстныя дѣйствія Ермака и царскихъ воеводъ.—Гибель Ермака и ея послѣдствія.

Баснословныя, издревле, богатства Сибири всякаго рода пушнымъ звѣремъ давно уже (болѣе чѣмъ за 400 лѣтъ до включенія при-уральской части этой страны въ составъ Московскаго государства), привлекали къ себѣ вниманіе русскихъ торговыхъ и промышленныхъ людей. Еще въ XI столѣтіи извѣстные провѣдыватели и извлекатели всякихъ богатствъ, новгородцы, завели въ сѣверо-западныхъ ея частяхъ торговыя сношенія съ югричами и обдорою, нынѣшними остяками и самоѣдами, промышлявшими пушниною. Новгородскіе развѣдчики и „данщики" большими и малыми партіями рыскали по всей югріи и самояди; съ ними шли промышленные и торговые люди, а за тѣмъ и новгородскія рати дѣтей боярскихъ и всякаго рода вольницы или ушкуйниковъ, этихъ предтечъ будущихъ вольныхъ казаковъ. Въ древнихъ новгородскихъ лѣтописяхъ не разъ упоминается о болѣе или менѣе удачныхъ поискахъ какъ мирнаго, такъ и военнаго характера; извѣстна, напримѣръ, посылка новгородскимъ купцомъ Гурятой Роговичемъ своего „отрока" съ товарищи для развѣдокъ Мугазеи въ XII столѣтіи. Въ хронографахъ XIV столѣтія упоминается подъ 1364 годомъ о возвратѣ въ Новгородъ изъ югорской земли (т. е. съ низовьевъ Оби) многихъ дѣтей боярскихъ и разныхъ „молодыхъ

людей“ съ воеводами Александромъ Абакумовичемъ и Степаномъ Ляпою, ходившихъ въ Югорскую землю для завоеваній и для сбора дани. Эти новгородцы дѣйствовали въ Югріи двумя отрядами, одинъ изъ которыхъ шелъ по нижнему теченію Оби вплоть до Ледовитаго океана, а дрогой ходилъ вверхъ по Оби. Походъ былъ удачный.

По имѣющимся даннымъ въ архивахъ мы даже можемъ въ настоящее время прослѣдить тѣ пути, которыми русскіе въ XII—XVI столѣтіяхъ проникали въ только что помянутыя части сѣв.-западной Сибири; пути эти теперь уже заброшены, а въ тѣ давнопрошедшія времена были настолько проторены, что даже встрѣчавшіяся на нихъ тѣ или иныя природныя урочища носили русскія, а не инородческія (какъ теперь) названія. Морской путь шелъ отъ устьевъ Печеры „моремъ окіяномъ“ въ Югорскій шаръ (проливъ, отдѣляющій островъ Вайгачъ отъ материка Европы) по „Нярзомскому“ (Карскому) морю къ устью Мутной рѣки (нынѣ—Созбея), этою рѣкою до ея верховьевъ, волокомъ на Зелёную рѣку (нынѣ—Ивога подъ 70° сѣверной широты), поперегъ Обской губы до мыса Поворотнаго, Тазовскою губою и въ устья Таза въ Мулгазею или Мангазею тогдашнюю Колхиду пушной рухляди.—Рѣчными путями чаще всего выходили изъ Печеры на Усу и Елецъ къ волоку чрезъ Югорскій камень, гдѣ находилось становище, носившее названіе Роговаго городка, быть можетъ, въ память только что помянутаго новгородца Гуряты Роговича, въ р. Собь, впадающую въ Обь и далѣе по Оби внизъ до Губы или вверхъ въ Сибирское ханство на Иртышѣ, Турѣ и Тоболѣ. Третій, еще болѣе южный и не менѣе древній, чѣмъ только что упомянутый путь, шелъ еще южнѣе и носилъ названіе Югорскаго и, выходя изъ за Югорскаго камня на востокъ, упирался въ рѣчку Киртасъ, противъ Сыгвы, впадающей въ Сосву и далѣе въ Обь. И здѣсь на волокѣ чрезъ Югорскій камень устроено было издавна русское Сыгвенское зимовище, а тамъ, гдѣ впослѣдствіи появился Березовскій острогъ, другое становище.

Съ паденіемъ Великаго Новгорода и переходомъ его наслѣдія

въ руки Москвы, переходитъ и роль его по отношенію къ Югрѣ и Обдорѣ къ москвичамъ. Московскіе великіе князья также собирали дань съ югричей и не разъ посылали свои рати за „камень“ (т. е. за Уралъ) и „волокъ“ какъ для усмиренія строптивыхъ, такъ и просто для „памяти“ о томъ съ кѣмъ тѣ имѣютъ дѣло. Такимъ образомъ, напримѣръ, извѣстенъ походъ за Уралъ Василья Скрябы въ 1465 г.; походъ московскихъ воеводъ кн. Курбскаго-Чернаго и Салтыка-Травника въ 1483 г.; воеводъ князей Курбскаго и Ушатаго въ 1499 г. и проч.[1])

Все это были, несомнѣнно, походы къ низовьямъ Оби на вогуличей и остяковъ, не касаясь собственно такъ называемаго „Сибирскаго“ царства, располагавшагося по притокамъ Тобола и среднему Иртышу. Сюда пролегалъ еще болѣе южный рѣчной путь, чѣмъ только что названые, а именно: съ верховьевъ Печеры волокомъ чрезъ Уральскій хребетъ къ истокамъ Лозвы, далѣе Лозвою въ Тавду и Тоболъ. По отношенію къ прочимъ сѣвернымъ инородцамъ царство это занимало первенствующую роль вершителя ихъ судебъ; хотя, само собою, по дальности разстояній и крайней рѣдкости населенія сѣверныхъ необъятныхъ пространствъ, не могло выражать свою власть особенно рѣзко и настойчиво. Несомнѣнно, что даже само оно, при всемъ своемъ главенствѣ надъ прочею нижне и средне-Иртышскою инородческою населенностью, чувствуя свое безсиліе предъ свободно распоряжавшимися на сѣверѣ русскими промышленными и воинскими людьми, заискивало предъ московскимъ правительствомъ, посылая даже время отъ времени къ тамошнему Двору подарки или „дань“. По крайней мѣрѣ, въ одной изъ грамотъ царя Ѳеодора Іоанновича къ сбитому уже тогда съ насиженнаго куреня Кучуму (1597 г.) между прочимъ читаемъ: „Изъ давнихъ лѣтъ Сибирское государство было вотчиною прародителей нашихъ блаженныя памяти великихъ государей русскихъ царей, какъ еще на сибирскомъ государствѣ былъ дѣдъ твой Ибакъ-царь, и съ сибирскіе-земли великую дань давали нашимъ прародителямъ великимъ государемъ-царемъ; а послѣ дѣда твое-

[1]) Миллеръ. Описаніе Сиб. Цар. Спб. 1750 г.

го Ибака-царя были на сибирскомъ государствѣ князи Тайбугина роду, Магметъ князь, послѣ него Казый князь, а послѣ Казыя Едигеръ князь, и тѣ всѣ князи дѣду нашему блаженные памяти великому государю-царю и великому князю Василью Ивановичу всея Руси и отцу нашему блаженные памяти великому государю-царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Русси съ Сибирскіе земли дань давали*.—Не даромъ знаменитѣйшій изъ московскихъ собирателей русской земли Иванъ Васильевичъ III включилъ въ свой длинный титулъ званіе „Югорскаго“, а сынъ его Василій Ивановичъ „Кондинскаго и Обдорскаго“, а Иванъ IV и „Сибирскаго“!

Полуданническія и торговыя отношенія Сибирскаго царства къ Москвѣ, всегда поддерживались довольно энергично. Бывали даже дружественныя посольства какъ съ той, такъ и съ другой стороны. По свидѣтельству одного изъ нашихъ посланцевъ, Дмитрія Непейцина, отправленнаго въ 1555 г. Иваномъ IV въ Сибирское царство для приведенія жителей его къ присягѣ и переписи черныхъ (т. е. податныхъ) людей, число таковыхъ простиралось до 30,700 душъ; дань-же на нихъ при этомъ наложена въ 1000 соболей ежегодно. До какой степени сильна была увѣренность Московскихъ правителей въ безсиліи Кучумовскаго ханства лучше всего показываетъ возможность безпрепятственной отправки въ 1567 году русскихъ развѣдчиковъ не только въ Югру и Обдору, но даже и за нихъ и за самую „Сибирь“ въ Китай. Развѣдчики эти были „атаманъ *Иванъ Петровъ* съ подъячими и и мурзы Бурнашъ Алышевъ съ товарищи 20 человѣкъ“, поѣхавшіе, какъ выражается одинъ изъ старинныхъ сибирскихъ бытописателей боярскій сынъ Ремезовъ,—„на востокъ и сѣверъ для провѣдыванія земель сосѣдскихъ царствъ и языкъ и ордъ и волостей, въ какомъ разстояніи отъ Москвы и сколь далеко подлегли къ Московскому государству. И тогда отъ части въ путѣхъ вразумишася и видѣша прилежащія страны, державства, языкъ, орды къ Московскому царству и пріѣхавши подаша доѣздъ по наказу своему и таковой ихъ доѣздъ въ Сибири и до днесь (т. е. до

конца XVII столѣтія) въ Тобольску у списателей носится"[1]).

Къ сожалѣнію, этотъ крайне любопытный „доѣздъ" до насъ не дошелъ, хотя часто за него и выдается позднѣйшій доѣздъ (1620 г.) сибирскаго казака *Петлина* съ товарищами, въ числѣ которыхъ также находился соименникъ перваго атамана изслѣдователя, казакъ Петровъ и также Иванъ. Объ этой-же, такъ сказать, первой русской ученой экспедиціи въ Сибирь, повидимому, упоминаетъ въ своемъ описаніи Сибири и долго проживавшій въ Россіи въ началѣ XVII ст. иностранецъ Исаакъ Масса, который, говоря между прочимъ о при-Камскихъ богачахъ Anicony (очевидно извѣстныхъ Строгановыхъ съ вліятельнымъ родоначальникомъ своимъ Аникою) и сношеніяхъ ихъ съ самоѣдами, остяками и вогуличами, пишетъ „былъ у нихъ другъ, пользовавшійся при Дворѣ большимъ фаворомъ, звали его Борисъ Годуновъ". Обратились они къ нему за содѣйствіемъ по развѣдкѣ богатствъ тѣхъ странъ. Борисъ, воспламенившись разсказами Строгановскихъ посланцевъ о неисчерпаемыхъ источникахъ пушнины, доложилъ о томъ Государю, результатомъ чего было посольство „нѣсколькихъ придворныхъ и съ ними нѣсколько бѣдныхъ благородныхъ людей (дѣти боярскіе?), къ которымъ благоволилъ (Борисъ) и приказалъ имъ отправляться вмѣстѣ съ тѣми, которыхъ присоединятъ къ нимъ Строгановы. Къ нимъ онъ присоединилъ еще нѣсколько военныхъ людей (атаманъ Иванъ Петровъ, Ялышевъ и др.) и снабдилъ ихъ вещами изъ мелочи для подарковъ туземцамъ, наказывая строго замѣчать всѣ дороги, рѣки, лѣса и мѣста, которыя встрѣтятся имъ по пути и спрашивать объ ихъ названіяхъ. Съ жителями онъ приказалъ имъ обходиться мягко, замѣчать всѣ удобныя мѣста, на которыхъ впослѣдствіи можно было-бы построить укрѣпленія. Обо всемъ этомъ по возвращеніи въ Москву дать отчетъ. Такимъ образомъ, хорошо снабженные платьемъ, деньгами, оружіемъ и подарками, они отправились изъ Москвы въ Вычегду, гдѣ Строгановы (Anicony), также снарядили народъ для отправленія. Съ

---

1) Прилож. къ Чертежн. кн. Сибири. Ремезова—«Обращеніе до ласковаго читателя» 1701 г.

ними отправилось много молодыхъ людей и друзей[1]) и т. д.

Выдающаяся роль „именитыхъ людей" *Строгановыхъ* въ исторіи начальныхъ нашихъ сношеній съ зауральемъ и самомъ его покореніи не подлежитъ сомнѣнію. Объ этомъ много уже было писано во всѣхъ исторіяхъ Сибири и Камско-Уральскаго края, а потому, не распространяясь здѣсь далѣе о роли Строгановыхъ, скажемъ только, что облеченные отъ царей властью обратить всѣ эти обширныя, хотя и малолюдныя страны чуть не въ свою вотчину[2]), Строгановы распоряжались здѣсь полновластно: строили городки и острожки, селили крестьянъ, нанимали къ себѣ въ службу для охраны своего достоянія отъ мѣстныхъ и сибирскихъ инородцевъ разнаго званія служилыхъ людей и казаковъ. Еще въ 1572 г. царь Иванъ Васильевичъ, узнавъ о истребленіи инородцами 87 нашихъ торговыхъ людей и ватажчиковъ, писалъ Строгановымъ: „А вы бы жили съ великимъ береженіемъ, выбрали у себя голову добраго да съ нимъ *охочихъ казаковъ*, сколько приберется, со всякимъ оружіемъ, ручницами и саадаками; велѣли-бы прибрать также остяковъ и вогуличей, которые намъ прямятъ, а женамъ и дѣтямъ ихъ велѣли-бы жить въ острогѣ. Этихъ головъ съ охочими людьми, стрѣльцами, *казаками*, Остяками и Вогуличами посылайте войною ходить и воевать нашихъ измѣнниковъ — Черемису, Вотяковъ, Остяковъ, Ногаевъ, которые намъ измѣнили"[3]). Имѣя торговыя связи повсюду и содержа агентовъ какъ во внутреннихъ, такъ и въ окраинныхъ городахъ Московскаго государства, Строгановы, конечно, старались воспользоваться предоставленными имъ правами гдѣ и какъ только могли. Вольница и „гулящіе люди" призывались къ нимъ на службу повсюду. Естественно, что въ охотникахъ откликнуться на такой призывъ недостатка не было и ряды Строгановскихъ вольно-служилыхъ людей

---

[1]) И. Тыжновъ. Обзоръ иностранныхъ извѣстій о Сибири 2-й половины XVI вѣка.

[2]) См. особенно: «Лѣтопись Сибирская» т. наз. Строгановская, изд. Спасскаго—1821 г. и Доп. къ «Акт. Историческ.» изд. Археогр. коммиссіи т. 1-й и «Кунгурскую Лѣтопись» Ремезова.

[3]) Доп. къ Акт. Историч.—т. 1.

пополнялись безостановочно. Особенно обильнымъ запасомъ или источникомъ для поставки такого рода добровольцевъ служилъ ближайшій къ мѣсту призыва центръ тогдашней Камско-Волжской вольницы, въ пространствѣ между знаменитою въ исторіи русскаго разбойничества Самарскою лукою и устьемъ Камы. Хотя здѣсь въ то время совсѣмъ еще не было русскихъ поселеній[1]), но средствъ для поддержанія всякаго рода „воровскихъ" промысловъ было изобиліе, такъ какъ близость къ изстари богатой Казани и отчасти къ Нижнему, служившимъ центромъ торговли всей Восточной Россіи, всегда привлекала въ тѣ мѣста, если не на постоянное жительство, то хотя проѣздомъ всякаго рода промышленныхъ и торговыхъ людей, какъ русскихъ, такъ и азіятцевъ. Здѣсь съ низовьевъ Волги и Каспія провозились Персидскіе, Ордобазарскіе и Астраханскіе восточные товары; здѣсь проѣзжали царскіе послы съ караванами подарковъ изъ Москвы и обратно; здѣсь проходила давнишняя Ногайская дорога съ бродомъ черезъ Волгу, гдѣ провозились татарско-сибирскіе товары изъ за-Уральскаго хребта и Уфимскаго края; здѣсь-же съ Камы провозились и Строгановскіе товары. Строгановы въ Казани, по новѣйшимъ изысканіямъ, имѣли даже собственные торговые склады и домъ, а слѣдовательно и торговыхъ агентовъ[2]). Чрезъ этихъ-же агентовъ, конечно, всегда поддерживалась и связь именитыхъ при-Камскихъ богачей съ помянутою нужною и въ тоже время опасною вольницею. Строгановымъ волею и неволею приходилось съ одной стороны задобривать Волжско-Камскихъ удальцовъ, а съ другой, въ собственныхъ выгодахъ, искать для нихъ, не рискуя собственнымъ товаромъ, вольнаго и неособенно преступнаго заработка. Благо „воровскія" похожденія этихъ удальцовъ, обративъ на себя вниманіе Московскаго правительства, грозили уже разразиться воеводскимъ погромомъ. Служба въ при-Камскихъ городкахъ и острожкахъ и отдача на разграбленіе вольницѣ повинныхъ передъ Москов-

---

[1]) Самара построена въ 1586 году въ предупрежденіе дальнѣйшаго казацкаго «воровства» при Самарской лукѣ.

[2]) Н. Д. Чечулинъ. Города Московскаго Государства въ XVI вѣкѣ. С.-Пб. 1889 года.

скимъ царемъ (какъ сказано выше), Ногаевъ, Черемисы, Вотяковъ, Остяковъ и пр. и являлись въ такихъ обстоятельствахъ тѣмъ желаннымъ исходомъ, къ которому, быть можетъ, невольно стремились обѣ стороны. Можетъ быть постепенно и частями, а можетъ быть и разомъ въ составѣ 540 удальцовъ (какъ говорятъ лѣтописи) въ 1579 году появилась Волжская вольница на Камѣ и Бѣлой въ раіонѣ господства Строгановыхъ. Въ числѣ главнѣйшихъ атамановъ спявшагося изъ подъ Самарской луки и Ногайскаго брода казацкаго сброда, лѣтописи называютъ Ермака Тимофеева, Ивана Кольцо, Якова Михайлова, Никиту Пана, Матвѣя Мещеряка. Память о подвигахъ ихъ и особенно первыхъ двухъ, на насиженныхъ ими разбойничьихъ мѣстахъ еще долго жила въ мѣстныхъ преданіяхъ и даже увѣковѣчена названіемъ двухъ изъ деревень, расположенныхъ по р. Усѣ, пересѣкающей Самарскую луку въ самомъ узкомъ ея мѣстѣ — „Ермаковкою“ и „Кольцовкою[1]“).

Два слишкомъ года пробыли „Волжскіе казаки“ у Строганова на „службѣ“ въ при-Уральскомъ краѣ. Не знаемъ въ подробностяхъ въ чемъ заключалась эта служба. Судя-же по тѣмъ немногимъ и сбивчивымъ даннымъ, которые дошли до насъ, есть основанія предполагать, что она мало чѣмъ отличалась отъ той „службы въ полѣ“, какую эти казаки несли и подъ Самарской лукой[2]). По Строгановской лѣтописи „Семенъ и Максимъ и Никита Строгановы пріяша ихъ (казаковъ) съ честію и даяху имъ дары многи и брашны и питіи изобильно ихъ наслаждаху. Атаманы-же и казаки стояху противъ безбожныхъ Агарянъ (т. е. Чусовскихъ и при-Уральскихъ иногородцевъ) буйственно и единомысленно, съ живущими ту людьми въ городкѣхъ (т. е. съ строгановскими наемными служилыми людьми и „охочими казаками“) и біяхуся съ безбожными Агаряны сурово и не милостиво и твердо стояху и на невѣрныхъ поощряхуся: понеже же они атаманы и

¹) Г. Перетятковичъ. Поволжье въ XV и XVI ст.—Одесса. 1882 г.

²) По словамъ одного изъ сподвижниковъ Ермака, выраженнымъ въ просьбѣ къ царю въ 1623 г., онъ «служилъ Государю на полѣ двадцать лѣтъ у Ермака въ станицѣ и съ иными атаманы“.

казаки въ городкахъ ихъ два лѣта и мѣсяцы два“.—По Тобольской или Кунгурской Ремезовской лѣтописи—пришедшіе съ Волги казаки также пробыли въ при-Камскомъ краѣ два лѣта и двѣ зимы, при чемъ идучи по Сыльвѣ—„у жителей обирали хлѣбы и запасы и тутъ (у Ермакова городища) зимовали и по за-Камени Вогуличь воевали и обогатѣли. А хлѣбомъ кормилися отъ Максима Строганова“. Вторую зиму зимовали „на Бую городищѣ“—и кормилися Вогуличами птицею, рыбою и звѣремъ, якожъ и они и многіе бо и улусы ихъ погромили и рухледи (т. е. пушнины) много взяли и многіе суды легкіе вновь доспѣли довольно“.

Въ переводѣ на современный намъ языкъ и понятія, эти лѣтописныя извѣстія, мнѣ кажется, означаютъ, что казаки, пользуясь своей численностью, подъ видомъ „службы“ Строгановымъ, два года безобразничали и грабили въ при-Камскомъ краѣ, какъ только могли. Быть можетъ этимъ-же безобразіямъ обязаны были Чусовскіе городки и поселенія Строгановыхъ, приходомъ сильной партіи Вогуличей и Остяковъ (въ 1581 г.) подъ начальствомъ Мурзы Бегбелія Агикова, произведшей значительныя опустошенія и въ 1582 г. Пелымскаго князя съ окрестными инородцами. По крайней мѣрѣ въ грозной грамотѣ Ивана IV къ Строгановымъ отъ 16-го ноября 1582 года по этому поводу мы читаемъ: „Это случилось по вашей измѣнѣ: вы Вогуличей, Вотяковъ и Пелымцевъ отъ нашего жалованья отвели, ихъ *задирали*, войною на нихъ приходили, этимъ задоромъ ссорили насъ съ Сибирскимъ салтаномъ; потомъ призвали къ себѣ *волжскихъ* атамановъ, воровъ, наняли ихъ въ свои остроги безъ нашего указа, а эти атаманы и казаки и прежде ссорили насъ съ Ногайскою ордою, пословъ Ногайскихъ на Волгѣ на перевозахъ побивали, ордобазарцевъ грабили и побивали и нашимъ людямъ много грабежей и убытковъ чинили. Имъ было вины свои покрыть тѣмъ что нашу Пермскую землю оберегать; а они вмѣстѣ съ вами сдѣлали точно также какъ на Волгѣ“ и далѣе: „Мы послали въ Пермь воина Оничкова, велѣли ему этихъ казаковъ Ермака съ товарищи взять и отвести въ Пермь и въ Камское Усолье, тутъ велѣли имъ

стоять, *раздѣлясь* и зимою на нартахъ ходить на Пелымскаго князя вмѣстѣ съ Пермичами и Вятчанами"....[1]).

Но казаковъ этотъ указъ, какъ извѣстно, уже не засталъ въ при-Камскомъ краѣ; они въ это время и безъ царскаго указа, разграбивъ Пелымцовъ, стояли уже за Уральскимъ хребтомъ на Турѣ, въ Чингидинѣ городкѣ, что теперь городъ Тюмень[2]).

Сибирскій походъ волжскихъ казаковъ, какъ и всякое, выходящее изъ ряда обычныхъ рамокъ, дѣло, облеченъ массою разнаго рода сказокъ и небылицъ, въ которыхъ весьма трудно распутаться: что ни исторія—то и несогласица, что ни историкъ—то и особое мнѣніе. И я позволяю себѣ имѣть тоже свое особое мнѣніе, значительно отличающееся отъ всѣхъ до сихъ поръ высказываемыхъ, какъ относительно самого героя похода, знаменитаго Ермака Тимофеевича, такъ и самаго похода.

Кто такой былъ Ермакъ? Этотъ вопросъ задавали и задаютъ себѣ всѣ, кто только ни интересовался этою легендарною личностью и никто, за неимѣніемъ достаточныхъ для того фактическихъ данныхъ, не можетъ разрѣшить съ увѣренностью, что онъ правъ. Одни называютъ его донскимъ казакомъ и даже, какъ напримѣръ, Броневскій, историкъ этого войска, указываетъ *Кагальницкую* станицу, какъ мѣсто его рожденія; другіе, какъ Костомаровъ, считаютъ его служилымъ казакомъ восточныхъ окраинъ, хотя въ то-же самое время добавляетъ, что имя его находится въ спискахъ атамановъ, находившихся подъ Могилевымъ на Днѣпрѣ, какъ разъ въ годъ, когда Ермакъ по лѣтописнымъ сказаніямъ выступилъ уже въ Сибирь. Третьи, основываясь на

[1]) Дополненіе къ Актамъ историческимъ, т. I-й ст. 128.

[2]) Въ дальнѣйшемъ изложенія похода Ермака мы держимся не лѣтописныхъ сказаній, въ которыхъ хронологическія данныя до крайности перепутаны, а царскихъ грамотъ, по которымъ переходъ Ермака за Уралъ относится не къ 1581 г., какъ обыкновенно думаютъ, а къ 1582 г. Въ указѣ Строгановымъ отъ 16 ноября 1582 г. прямо сказано: „Послали вы изъ острожковъ своихъ волжскихъ атамановъ и казаковъ Ермака съ товарищи воевать Вотяки и Вогуличей и Татаръ и Пелымскія и Сибирскія мѣста 7091 г. сентября въ 1-й день", т. е. въ переводѣ на наше счисленіе въ 1583 г.; но такъ какъ въ тѣ времена счетъ лѣтъ велся не съ января, а съ сентября, то значитъ по нашему счисленію 1-го сентября 1582 г.

грамотѣ Царя Ивана Васильевича къ Строгановымъ отъ 16-го ноября 1582 года и Строгановской лѣтописи, называютъ его Волжскимъ казакомъ. Мы, въ виду всего сказаннаго выше о разбояхъ ермаковскихъ удальцовъ на Ногайскомъ перевозѣ и подъ Самарской лукою, склонны къ послѣднему предположенію, хотя не можемъ въ то-же время не замѣтить, что названіе Ермака „Волжскимъ" казакомъ еще не есть опредѣленный отвѣтъ на вопросъ о его происхожденіи. Волжскимъ казакомъ могъ быть всякій „гулящій" человѣкъ и съ Волги, и съ Камы, и съ Суры, и съ Свіяги и дальше того.... Есть впрочемъ сказаніе[1]), что дѣдъ Ермака былъ посадскій человѣкъ города Суздаля, переѣхавшій впослѣдствіи во Владиміръ, гдѣ и пропитывался съ своими дѣтьми сначала извозомъ, а потомъ доставкою въ нужныя мѣста разбойниковъ Муромскихъ лѣсовъ, гдѣ и попался властямъ, засадившимъ его въ тюрьму. Бѣжавши изъ тюрьмы, онъ поселился въ Юрьевцѣ Повольскомъ гдѣ и умеръ. Дѣти его переѣхали для промысловъ на столь извѣстную въ исторіи при-Камскаго края и будущихъ подвиговъ Ермака, рѣку *Чусовую*, получивъ прозвище Повольскихъ. Отъ одного изъ нихъ Тимофея и родился будущій покоритель ханства Сибирскаго, названный въ помянутомъ сказаніи Васильемъ по прозванію *Ермакъ*, что будьто-бы на языкѣ Волжской вольницы означало артельный котелъ; ибо сначала Ермакъ исправлялъ должность разбойничьяго кашевара. Оставляя пока въ сторонѣ послѣднюю добавку о „котлѣ"—замѣтимъ, что если Чусовское происхожденіе Ермака справедливо, то тогда тѣмъ болѣе становится понятнымъ приходъ Ермака съ своею вольницею съ Волги именно на Каму и Чусовую свою родину, послѣ того какъ ему на первой стало угрожать правительственное преслѣдованіе и плаха; понятны и сношенія его съ Строгановыми и походъ въ Сибирь именно по Чусовой. Эти мѣста ему были хорошо знакомы; здѣсь онъ былъ свой человѣкъ[2]).

[1]) Лѣтопись Тобольскаго ямщика Черепанова, хранящаяся въ Академіи наукъ. Списокъ съ нея имѣется въ библіотекѣ Западно-Сиб. Отд. Императ. Русск. Географич. Общ., пожертвованный протоіереемъ А. И. Сулоцкимъ.

[2]) См. *Небольсинъ.*—Покореніе Сибири. 1849 г.

Что касается имени Ермака, то въ настоящее время уже не подлежитъ сомнѣнію, что слово это не обозначаетъ какого-либо прозвища въ родѣ артельнаго „котла“ или жерновагo камня и азіатской монеты, а есть христіанское имя Ермилъ, Ермолай или Германъ, перепиаченное въ обыденной рѣчи, въ родѣ того какъ въ настоящее время Дмитрій зовется – Митькой, Өеодоръ — Федькой, Георгій—Егоромъ, или Юрьемъ и т. п. И въ старину христіанскія имена на Руси часто, даже болѣе часто чѣмъ теперь, переиначивались на русскій ладъ, напримѣръ Ивашко (Иванъ, Іоаннъ), Якушко (Яковъ, Іаковъ), Матюшко (Матвѣй, Матфій), Куземка (Кузьма, Косьма), Нечай, Сарычь, Дружина, Гроза, Баженка и т. д. и т. д. Къ числу такихъ-же переиначенныхъ именъ принадлежало несомнѣнно и Ермакъ. По мнѣнію Карамзина[1]) Ермакъ значитъ Германъ. Профессоръ Никитскій и Е. Кузнецовъ производятъ его отъ Ермолай (Ермошка, Ермачко, Ермачекъ[2]), Буцинскій[3])—отъ Ермилъ. Послѣдній между прочимъ пишетъ: „Съ этимъ именемъ намъ не разъ приходилось встрѣчаться, когда мы въ „Сибирскомъ приказѣ“ (въ Архивѣ Минист. Юстиціи въ Москвѣ), прочитывали такъ называемые „именные списки“ разнаго чина сибирскихъ людей. Изъ этихъ списковъ оказывается, что имя Ермакъ носилъ не одинъ побѣдитель Кучума, а многіе казаки, посадскіе люди и крестьяне; даже между сподвижниками Ермака Тимофеевича... два казака были ему тёзками; одинъ остяцкій князь, принявшій при крещеніи имя Ермила, также назывался Ермакомъ“.... и далѣе: „имя это варьируется на разные лады: Ермакъ, Ермачекъ, Ермачко и Ермачишко“.—Еще далѣе тотъ-же авторъ пишетъ: „Считаемъ нужнымъ предупредить читателя, что имя Ермакъ нельзя производить отъ имени Ермолая:

---

[1]) *Пуцилло*. Къ вопросу кто былъ Ермакъ Тимофеевичъ. Русск. Вѣстн. 1881 г. Ноябрь. *Карамзинъ*. Исторія Государства Россійскаго т. IX.

[2]) *Никитскій*.—Журналъ Минист. Нар. Просв. 1882 г. Май. *Е. Кузнецовъ*. Сказанія и догадки о христіанскомъ имени Ермака. Тоб. Губ. Вѣд. 1890 г.

[3]) *Буцинскій*. Заселеніе Сибири и бытъ первыхъ ея насельниковъ. Харьковъ. 1889 г.

въ спискахъ казаковъ и крестьянъ это имя встрѣчается или въ своемъ настоящемъ видѣ, или въ испорченномъ „Ермошка“ и „Ермолка“. Въ Сибири есть деревня „Ермилкина“; туринскій татаринъ, принявшій христіанство и получившій при крещеніи имя Ермолая такъ и писался Ермолаемъ, а юрты его при рѣкѣ Ницѣ назывались „Ермолаевыми“. Но имени Ермилъ мы ни разу не встрѣтили въ спискахъ сибирскихъ обитателей, хотя намъ пришлось просмотрѣть болѣе сотни именныхъ списковъ казаковъ, посадскихъ людей и крестьянъ; не встрѣтили, очевидно, потому что оно всегда замѣнялось „Ермакомъ и Ермачкомъ“ и т. п. Поэтому въ нѣкоторыхъ народныхъ пѣсняхъ, относящихся къ покорителю Сибирскаго царства, онъ совершенно вѣрно называется Ермиломъ: „Атаманомъ быть Ермилу Тимофеичу“ читаемъ въ одной пѣснѣ; или въ другой—„говорилъ-то нашъ Ермилъ Тимофеевичъ: ужъ вы слушайте братцы послушайте, дайте мнѣ Ермилу думушку придумати“ и т. д. (См. „Пѣсни“ собр. Кирѣевскимъ, вып. 6-й стр. 25, 28, 36 и 37).

Въ собственныхъ нашихъ архивныхъ и другихъ изслѣдованіяхъ при просмотрѣ разнаго рода документовъ, актовъ, списковъ и разрядныхъ записей, также, какъ и г. Буцинскому нигдѣ не приходилось встрѣчать имени Ермилъ, но также не встрѣчали мы и имени Ермакъ и Германъ, хотя Ермолая, Ермолку и Ермошку встрѣчали нерѣдко. По словамъ чиновника по крестьянскимъ дѣламъ Тюкалинскаго округа А. В. Калачева, въ этомъ округѣ и въ настоящее время, въ одномъ изъ крестьянскихъ селеній существуетъ крестьянинъ носящій имя Ермакъ, оказывающееся по церковнымъ справкамъ Германомъ.

Исходя изъ всего вышеизложеннаго и принимая имя Ермакъ за христіанское Ермилъ, Ермолай или Германъ, для насъ станетъ совершенно понятно почему по историческимъ даннымъ и сказаніямъ въ одинъ и тотъ-же 1581 годъ на Руси случились разомъ три Ермака: одинъ на Дону въ составѣ тамошнихъ атамановъ (отъ 1581 по 1584 годъ); другой Костомаровскій въ Могилевѣ на Днѣпрѣ (іюль 1581 г.) и третій историческій Ермакъ на

Чусовой и въ Уральскихъ горахъ (сентябрь—1581 г.). Г. Иловайскій въ своей статьѣ „Ермакъ и покореніе Сибири" (Русск. Вѣстн. 1889 г. № 9-й) между прочимъ пишетъ: „Въ Новочеркасскѣ рѣшено воздвигнуть памятникъ Ермаку, какъ донскому казаку и покорителю Сибири.... Въ виду этого предпріятія пользуюсь случаемъ указать на то обстоятельство, что историческій Ермакъ является волжскимъ, а не донскимъ". Въ другомъ мѣстѣ онъ-же пишетъ: „нѣтъ никакихъ прямыхъ указаній на то, чтобы Ермакъ принадлежалъ собственно къ Донскому казачеству, скорѣе это былъ уроженецъ сѣверо-восточной Руси, хорошо знавшій ея пути, промыслы и населеніе, закаленный въ борьбѣ съ суровою сѣверною природою, своею предпріимчивостью, опытностью и удалью вполнѣ воскресившій древняго Новгородскаго повольника".

Разобравшись такимъ образомъ, насколько то возможно при имѣющихся скудныхъ данныхъ, въ вопросѣ о томъ кто былъ Ермакъ и какъ его слѣдуетъ звать по-христіански, интересно задать вопросъ: въ какомъ свѣтѣ вырисовывается при настоящихъ данныхъ его личность, какъ историческаго дѣятеля? Былъ-ли онъ, по имѣющимся даннымъ, дѣйствительно герой, ознаменовавшій себя подвигомъ, выходящимъ изъ ряда вонъ, или-же это былъ обыкновенный авантюристъ, случайно попавшій въ исторію?

И на эти вопросы къ сожалѣнію за недостаткомъ фактическихъ данныхъ, мы до сихъ поръ не можемъ дать ясно опредѣленнаго отвѣта. И здѣсь существуетъ масса всевозможныхъ и противорѣчащихъ одно другому мнѣній, въ которыхъ крайне трудно оріентироваться. Одни, исходя изъ части главъ Тобольской (Кунгурской) Ремезовской лѣтописи, готовы видѣть въ немъ чуть не полубога, сопутствуемаго сонмомъ ангеловъ блюдущихъ его во всѣхъ путѣхъ его и отстраняющихъ отъ избранника Божія „тучи" стрѣлъ, пускаемыхъ въ казаковъ „нечестивыми агарянами"; даже могила его, по сказанію вѣрующихъ поклонниковъ героя, долго издавала отъ себя по ночамъ чудный свѣтъ, а приходящіе къ ней въ спасительномъ страхѣ инородцы получали исцѣленіе отъ многихъ недуговъ. Другіе, слѣдуя Строгановской лѣтописи, готовы видѣть въ

немъ простаго наемщика Строгановыхъ и слѣпаго исполнителя ихъ велѣній. Третьи, какъ Небольсинъ, ссылаясь на Савву Есипова, видятъ въ немъ разбойника, надѣленнаго государственнымъ умомъ и дѣйствовавшаго вездѣ и всегда по своему личному почину и за свой личный страхъ.

Не претендуя, въ свою очередь, сказать по этому вопросу что либо неопровержимо вѣрное, мы думаемъ, что истина въ этомъ, какъ то часто бываетъ и въ другихъ случаяхъ, лежитъ въ серединѣ. Ермакъ, судя по тому, что высказано нами выше и что еще болѣе подробно будетъ сказано ниже о его походѣ въ Сибирь, былъ несомнѣнно человѣкъ выдающагося ума и характера; человѣкъ, если можно такъ выразиться, съ государственнымъ складомъ ума, хотя въ то-же время не болѣе какъ разбойникъ и разбойникъ при томъ со всѣми несимпатичными особенностями человѣка этого ремесла. Поведеніе его на Волгѣ и за тѣмъ „на службѣ“ у Строгановыхъ мы уже знаемъ; таковымъ-же онъ остался и на „службѣ“ за Ураломъ въ Сибири. Видъ рыцаря безъ страха и упрека, каковымъ стараются выставить Ермака многіе, особенно изъ старыхъ нашихъ историковъ, совсѣмъ ему не къ лицу. „Обѣтъ доблести и цѣломудрія“ будто-бы наложенный имъ на себя съ дружиною при выступленіи въ Сибирь, равно какъ и клятву „честнымъ людямъ“ Строгановымъ—„идти съ миромъ очистить землю сибирскую и выгнать безбожнаго салтана Кучума“, дабы тѣмъ самымъ „свергнуть съ себя опалу дѣлами честными, заслугою государственною и промѣнять имя смѣлыхъ грабителей на имя доблестныхъ воиновъ отечества“ [1]), какъ то краснорѣчиво повѣствуетъ между прочимъ и знаменитый исторіографъ нашъ Карамзинъ, хотя бы-то и на основаніи нѣкоторыхъ изъ лѣтописныхъ данныхъ, слѣдуетъ признать несомнѣнно не болѣе какъ красивыми фразами, неимѣющими никакой исторической достовѣрности. Нѣтъ никакихъ данныхъ къ тому, чтобы допустить мысль, что издавна извѣстный своимъ беззастѣнчивымъ удальствомъ разбойничій ата-

---

[1]) *Карамзинъ.* Ист. Гос. Рос. т. IX. Спб. 1852 г.

манъ Ермакъ вдругъ по какому-то волшебству обратился въ доблестнаго рыцаря безъ страха и упрека. Такія чудныя обращенія возможны только въ сказкахъ и поэтическихъ мечтаніяхъ, а не въ дѣйствительной жизни.

Смотря на дѣло проще, можно допустить развѣ только соглашеніе Волжскихъ удальцовъ съ Строгановыми относительно захвата зауральско-Сибирской страны общими силами; захвата, конечно, не въ высоко-государственныхъ цѣляхъ и не въ видахъ царскаго прощенія, въ которомъ Ермакъ, забравшись въ недосягаемыя дла царскихъ войскъ при-Уральскія дебри, совсѣмъ не нуждался, а для собственныхъ выгодъ той и другой изъ согласившихся сторонъ. Конечно, Ермакъ и его сподвижники не прочь были въ своихъ похожденіяхъ прикрыться знаменемъ царскихъ слугъ; прикрыться съ тѣмъ большимъ основаніемъ, что, какъ мы знаемъ, Строгановымъ царскимъ указомъ разрѣшено было какъ набирать къ себѣ въ службу „вольныхъ казаковъ", такъ и подводить при посредствѣ ихъ, окрестныхъ инородцевъ подъ русскую власть. Личныя и несомнѣнно вполнѣ себялюбивыя цѣли казаковъ и ихъ главы въ данномъ случаѣ вполнѣ сходились съ государственными и потому несомнѣнно, что забирая и обирая то тѣхъ, то другихъ изъ сибирскихъ и при-уральскихъ инородцевъ, Ермакъ съ неподдѣльной гордостью могъ думать и говорить, что онъ дѣлаетъ дѣло по меньшей мѣрѣ не противное царскимъ видамъ и чѣмъ далѣе онъ шелъ въ глубь страны, чѣмъ больше покорялъ и облагалъ инородцевъ ясакомъ, тѣмъ больше укорeплялся въ этой мысли; несомнѣнно, что Ермакъ къ концу похода былъ уже далеко не тотъ Ермакъ, котораго мы знали на Волгѣ и даже въ при-Уральскомъ краѣ. Тѣми-же глазами людей, покоряемыхъ не вольными разбойниками, а царскими слугами, смотрѣли на Ермака и его сподвижниковъ и сами инородцы съ ихъ властителемъ Кучумомъ. По крайней мѣрѣ намъ неизвѣстно ни одного случая гдѣ бы Кучумъ печаловался передъ Московскимъ царемъ на подвиги ермаковцевъ, подобно тому, какъ сосѣди его ногайцы неоднократно жаловались въ Москву на самовольныя похожденія донскихъ и

яицкихъ казаковъ на Волгѣ, Уралѣ и въ степяхъ[1]). Сознаніе совпаденія въ данномъ случаѣ личныхъ желаній вольницы съ пользами государства и было той мощною силой, которая поддерживала Ермака съ его дружиною во всѣхъ трудныхъ случаяхъ дѣйствительно замѣчательнаго ихъ похода въ Сибирь.

Судя по лѣтописнымъ сказаніямъ, зауральско-сибирская экспедиція Ермака обставлена была весьма предусмотрительно, какъ въ хозяйственномъ, такъ и въ чисто военномъ отношеніяхъ, и по части продовольствія, и по части оружія. Даже въ военно-административномъ отношеніи сподвижники Ермака были подѣлены, если вѣрить лѣтописцамъ, на сотни или атаманства во главѣ съ атаманами, при особыхъ знаменахъ, полусотни съ пятидесятниками и десятки съ десятниками. Численность отряда при переходѣ за Уралъ, повидимому, не превышала 800 человѣкъ, въ числѣ которыхъ до 500 человѣкъ были волжскіе пришельцы, а 300 человѣкъ строгановскіе служилые люди: разныхъ наименованій казаки, бѣглые литовцы, плѣнные нѣмцы и прочій призывной или приборный сбродъ при-камскихъ именитыхъ людей[2]).

Нечего говорить о томъ, что какъ самъ Ермакъ, такъ и всѣ его сподвижники были пѣшіе, а не конные. Передвиженіе совершалось на стругахъ или лодкахъ, которыхъ, полагая примѣрно по 15—20-ти человѣкъ на стругъ, понадобилось до 60 ти штукъ. На нихъ-же везся и весь воинскій и продовольственный запасъ оружія, доспѣховъ, свинца, зелья, хлѣба, соли и проч. Вооруженіе было несомнѣнно смѣшанное, кому что Богъ послалъ, кто что промыслилъ; и огнестрѣльное и холодное, копья, топоры, садаки. Большимъ заблужденіемъ будетъ, основываясь на наивныхъ

[1]) См. ист. Карамзина, примѣч. 663: «Приходили государевы казаки сего лѣта (1580—1581 г.) и Сарайчикъ (на р. Уралѣ близь ея устья) воевали и сожгли, не токмо что людей живыхъ сѣкли и мертвыхъ изъ земли выкопали и гроба ихъ разоряли». Дѣла Ногайскія 1581 г.

[2]) На мнѣніи сибирскаго исторіографа Миллера о томъ, что начальная численность дружины Ермака доходила до 6000 и болѣе человѣкъ, мы не останавливаемся, въ виду ея очевидной несообразности для похода въ пустынѣ каковую представляла собою тогдашняя Сибирь. Такой отрядъ, не говоря о крайней его неповоротливости, можно сказать, самъ-бы себя съѣлъ.

завѣреніяхъ лѣтописцевъ, предполагать, что Ермакъ и его сподвижники явились въ Сибирь какъ нѣчто необычайное, наводившее на мѣстныхъ дикарей не только панический, но и суевѣрный страхъ. Разсказни о русскомъ оружіи какъ дарѣ боговъ поражающемъ „огнемъ и громомъ смертоносныиъ безъ видимыхъ стрѣлъ" — могли конечно наводить религіозный страхъ только на женщинъ, ничего не видавшихъ и не слыхавшихъ, или лучше сказать не хотѣвшихъ слышать объ этомъ оружіи. Большинство-же сибирскаго населенія несомнѣнно если само не видѣло и не испытало его, то знало объ немъ по слухамъ.

Не говоря о мелкихъ случаяхъ заноса и завоза ружей съ Руси, нужно не забывать, что огнестрѣльнымъ оружіемъ были вооружены всѣ при-Камскіе и Чусовскіе городки и острожки Строгановыхъ; городки эти не разъ осаждались и зорились не только погайцами и сибирскими татарами, но и тамошними вогуличами, пелымцами и проч.; немало, конечно, захвачено было этого оружія сибирцами съ собою и съ плѣнными. По разсказамъ тѣхъ-же лѣтописцевъ, въ одинъ изъ татарскихъ набѣговъ на строгановскіе острожки въ числѣ прочаго оружія захваченнаго въ качествѣ трофеевъ, было увезено нѣсколько пушекъ и пищалей, говорятъ, даже дѣйствовавшихъ противъ Ермака во время приступовъ его подъ Чуваши. Не слѣдуетъ упускать изъ вида, что боевыя качества тогдашняго ружья почти ничѣмъ не превосходили стрѣльбы изъ лука, ибо возни съ ружьемъ при заряжаніи и самой стрѣльбѣ было несравненно больше, чѣмъ съ колчаномъ и стрѣлами; лукомъ можно было дѣйствовать всегда, а фитильное ружье въ ненастную погоду почти не дѣйствовало; дальность полета пули едва-ли превосходила дальность боя стрѣлою; не говорю уже о вѣроятности попаданія....

Запасы продовольствія взятаго въ путь, по всей вѣроятности были не велики, такъ какъ несомнѣнно дружина Ермака добывала себѣ пропитаніе главнымъ образомъ охотою, рыбною ловлею и тѣмъ, что на военномъ языкѣ нынѣ называется реквизиціей, а по тогдашнему — грабежемъ.

Перевалившп за Уралъ осенью 1582 года, ермаковцы сѣли въ перетащенные съ собою-же волокомъ изъ Чусовой струги и поплыли внизъ по Тагилу и Турѣ и дойдя безъ особаго сопротивленія со стороны „не воистыхъ“ прибрежныхъ инородцевъ до старииннаго татарскаго городка Чингидона (нынѣ г. Тюмень), зазимовали „яко видя множество бусурманскаго языка по Турѣ и не смѣяша плыть до Тобольска[1])“.

Весною 1583 г., со вскрытіемъ рѣкъ, лишившись за зиму многихъ изъ своихъ сподвижниковъ отъ столкновеній съ мѣстными инородцами, цинги и поносовъ, Ермакъ съ дружиною „поплылъ внизъ по Турѣ со всякимъ искусомъ не поспѣшно“. Найдя (по видимому противъ ожиданія) берега Туры довольно густо населенными, казаки шли съ опаскою, безъ особаго задиранія инородцевъ. По словамъ лѣтописей, Ермакъ даже сдѣлалъ попытку привлеченія на свою сторону мѣстныхъ жителей и самихъ правителей страны, путемъ, такъ сказать, дипломатическихъ переговоровъ и задариванія; присланный въ Чингидинъ и Тарханскій городокъ, еще не знавшимъ о приходѣ русскихъ Кучумомъ сборщикъ податей, былъ принятъ Ермакомъ чрезвычайно предупредительно и, одаренный подарками для болѣе вліятельныхъ мурзъ и женъ Кучума, отпущенъ во-свояси съ миромъ и завѣреніями, что русскіе скоро возвратятся за Уралъ въ свои предѣлы.

Однако-же движеніе внизъ по Турѣ, хотя и медленное, не могло не взволновать какъ мѣстныхъ, проживающихъ по пути слѣдованія казаковъ, татаръ, такъ и самого Кучума. Чѣмъ дальше въ страну подвигался Ермакъ, тѣмъ больше и больше разгоралось волненіе и желаніе жителей преградить дальнѣйшій путь русскимъ. Первое довольно серьезное столкновеніе ермаковцевъ съ татарами произошло въ устьѣ Туры при впаденіи ея въ Тоболъ. Здѣсь Ермака ожидали шесть мѣстныхъ князьковъ съ подвластными имъ родами. Нѣсколько дней пытались они остановить казаковъ силою, но тѣ, прогнавши скопища князьковъ, захватили на свои струги часть ихъ болѣе цѣннаго имущества и въ первой поло-

[1]) Ремезовская Лѣтопись, ст. 15.

вилѣ іюня вошли въ Тоболъ. И здѣсь, сопровождаемые береговыми татарами и другими инородцами, которые „яко птицы изъ гнѣздъ своихъ стрекоше“—казаки, отстрѣливаясь отъ ордынцевъ, слѣдовали шагъ за шагомъ съ крайней осторожностью; нѣсколько десятковъ верстъ отъ устья Туры до Караульнаго яра на Тоболѣ были пройдены ими въ 21 день[1]). Близь Караульнаго яра, въ узкомъ мѣстѣ Тобола, кучумляне, устроили сильную запруду въ рѣкѣ, надѣясь задержать русскихъ; но послѣдніе послѣ ожесточенной трехдневной битвы подъ прикрытіемъ таловыхъ кустовъ прорвались чрезъ запруду и двинулись далѣе.

Постоянное преслѣдованіе, безпокойство и бой съ татарами, однако-же настолько утомили и истощили казаковъ, что когда они чрезъ нѣсколько дней прибыли къ устью рѣки Тавды, то невольно остановились тутъ въ раздумьи: плыть-ли имъ дальше, или повернувши въ эту многоводную рѣку, плыть ею назадъ (старымъ посольскимъ путемъ) въ Лозву и чрезъ „камень“ опять на Каму въ Чердынь и Соликамскъ къ Строгановымъ? Простоявъ здѣсь цѣлую недѣлю, казаки однако-же, послѣ многократныхъ совѣщаній, порѣшили плыть далѣе внизъ по Тоболу[2]). Но далѣе препятствій и сопротивленія, какъ со стороны мѣстныхъ прибрежныхъ жителей, такъ и самого владѣльца страны Кучума, встрѣтилось еще болѣе чѣмъ до сихъ поръ. Встревоженный настойчивостью слѣдованія казаковъ внутрь страны, вопреки начальнымъ завѣреніямъ о немедленномъ возвратѣ на Русь, Кучумъ до собственнаго главнаго кишлака котораго при устьѣ Тобола оставалось уже всего около 60-ти верстъ, стянулъ для защиты своихъ угрожаемыхъ „животовъ“ всѣ способныя къ вооруженному сопротивленію силы своего, хотя и довольно обширнаго, но рѣдко заселеннаго „царства“. Были тутъ и остяки, и вогуличи, и кондинцы, и пелымцы; но главный центръ всего составляли, конечно, татары одноплеменники Кучума, которыми, собственно, и держалось его эфемерное „царство“ безъ опредѣленныхъ границъ и строго обусловленныхъ от-

---

[1]) Ремезовъ, ст. 37 и 38.

[2]) Ремезовъ, ст. 39.

помещеній подданства. Будучи (по преданію) одержимъ недугомъ глазъ, или слѣпотою, Кучумъ поручилъ главенство надъ своими скопищами своему племяннику (по другимъ сыну) Маметкулу. Едва-ли мы преувеличимъ, сказавши, что численность маметкуловыхъ сподвижниковъ въ общей сложности доходила до 4-хъ—5-ти т. всадниковъ и пѣшихъ людей, разбросанныхъ на сравнительно, небольшомъ пространствѣ въ 60—80 верстъ. Противъ этихъ-то скопищъ, то разбрасываемыхъ, то сосредоточиваемыхъ въ одномъ пунктѣ, и приходилось сподвижникамъ Ермака дѣйствовать въ составѣ всего нѣсколькихъ сотъ человѣкъ. Понятно, что при такой несоразмѣрности силъ борющихся сторонъ, русскимъ удальцамъ нужно было быть всегда на сторожѣ и вкупѣ. Такъ они и дѣлали. Медленно и осмотрительно подвигаясь на своихъ стружкахъ по Тоболу, они въ 20-хъ числахъ іюля дошли до урочища Бабаса въ Долгомъ яру, гдѣ ихъ поджидалъ Маметкулъ съ главною массою своихъ силъ. Произошло кровопролитное столкновеніе, продолжавшееся, говорятъ, цѣлыхъ пять дней, въ теченіе которыхъ казаки, съ рѣдкимъ упорствомъ отражая напуты кучумовцевъ, продолжали подвигать свои струги все впередъ, пока, наконецъ, 26-го іюля не достигли до устья р. Турбы, гдѣ они, подавленные численностью непріятеля, должны были остановиться, а по показаніямъ Ремезовской лѣтописи (ст. 44) даже обратиться назадъ и кинуться, съ цѣлью пробраться на Русь, вверхъ по рѣкѣ Тавдѣ. Послѣднее, впрочемъ, мало вѣроятно, такъ какъ отступленіе при подобной обстановкѣ, какъ и во всѣхъ военныхъ дѣлахъ съ азіятцами (чего Ермакъ и его дружина не могли не знать изъ практики многолѣтнихъ дѣлъ съ погаями) было-бы равносильно обреченію себя на вѣрную гибель. Да и зачѣмъ было Ермаку (разъ допустить мысль, что онъ побѣжалъ по Тавдѣ на Русь) возвращаться къ зимѣ опять къ устью Турбы и улусамъ Карачи (какъ повѣствуетъ тотъ-же Ремезовъ), когда въ этомъ случаѣ онъ, съ несравненно большими удобствами и ближе къ русской границѣ могъ-бы перезимовать въ верховьяхъ той-же Тавды или Лозвы. Очевидно лѣтописецъ перепуталъ бѣгство Ер-

мака по Тавдѣ съ походомъ его-же на эту рѣку въ слѣдующемъ 1584 году.

Болѣе двухъ недѣль простояли казаки близь Турбы въ виду одного изъ наиболѣе населенныхъ кишлаковъ Кучумова царства „Карачина улуса“. Положеніе было поистинѣ критическое: пойти назадъ, значитъ погубить все дѣло; впередъ — силъ не хватаетъ: орда окружила со всѣхъ сторонъ тѣснымъ кольцомъ „аки вода колебающеся“. Что дѣлать? Госпожинъ постъ. Съ бо́льшимъ чѣмъ когда либо усердіемъ молились казаки Владычицѣ о спасеніи грѣшныхъ душъ своихъ; строгій постъ, говоритъ лѣтописецъ, вмѣсто 15-ти дней былъ продолженъ казаками до 40-ка дней. Состояніе самое угнетенное. Но съ другой стороны, центральное становище врага уже недалеко; до Кучумова Искера всего нѣсколько верстъ; еще одно усиліе и, быть можетъ, врагъ будетъ сломленъ.... двумъ смертямъ не бывать—одной не миновать.... смѣлымъ Богъ владѣетъ.... И казаки, собравшись съ послѣдними силами, дружно ударили на скопища у Карачина улуса и врагъ не выдержалъ, побѣжалъ, очищая дорогу къ Кучумову становищу. Вознаградивъ себя за труды и терпѣніе чѣмъ только можно изъ не захваченнаго татарами съ собою при Карачинѣ имущества и подбавивъ въ обильно нагруженные уже струги болѣе цѣнное захваченное добро, казаки двинулись дальше къ устью Тобола. Нѣсколько оправившіеся послѣ Карачинскаго побоища, кучумовцы стянулись къ засѣкамъ передъ главнымъ кишлакомъ своего владѣльца. Высокій яръ Иртыша, выше устья Тобола, укрѣпленъ былъ чѣмъ только можно. Самъ Кучумъ съ своими приближенными засѣлъ въ наиболѣе возвышенномъ и, такъ сказать, командующемъ надъ всею окрестностью, укрѣпленіи Подчувашномъ. Доплывши до устья Тобола и очутившись въ виду главныхъ твердынь Кучумова царства, казаки повернули вправо, т. е., вверхъ по Иртышу и, занявъ безъ особаго труда лежащій вблизи устья Тобола на лѣвомъ берегу Иртыша городокъ мурзы Атика, остановились здѣсь въ раздумьи — что дѣлать дальше? Приближалась зима; нѣтъ — нѣтъ и рѣки замерзнутъ; двигаться дальше нельзя; впереди к

сзади непріятель; добра всякаго съ собою забрано много, а прокормиться зимою будетъ нечѣмъ. Менѣе смѣлые и настойчивые опять заговорили о возвратѣ на родину, о бѣгствѣ изъ Сибири. Опять начались совѣщанія и споры о томъ, что предпринять. Лѣтописное преданіе говоритъ, что много потребовалось со стороны Ермака Тимофеевича упорства, рѣшимости и краснорѣчія, чтобы убѣдить своихъ соратниковъ, не поддаваясь унынію, собрать послѣднія силы и попытаться занять на зиму лежащее на противуположномъ берегу болѣе удобное и надежное къ продолжительной защитѣ Кучумово городище Подчуваши. Болѣе двадцати дней стояли казаки въ виду татарскихъ укрѣпленій, не зная на что рѣшиться. Не предпринимали ничего и кучумовцы, видимо ожидая нападенія со стороны Ермака. Наконецъ 23-го октября казаки рѣшились и, быстро переплывъ черезъ Иртышъ, кинулись на приступъ къ кучумовскимъ укрѣпленіямъ. Обороной руководилъ Маметкулъ; самъ-же слѣпой Кучумъ, какъ говоритъ лѣтописное преданіе, стоя въ занятомъ имъ подъ Чувашами командующемъ пунктѣ, возносилъ въ сослуженіи съ своими муллами молитвы къ Аллаху о защитѣ сѣвернаго царства правовѣрныхъ отъ нашествія московитовъ. Казаки, не смотря на громадныя потери (по синодику Епископа Кипріяна ихъ пало подъ Чувашами изъ 400—500 человѣкъ 107 душъ), напирали всѣми своими силами. Маметкулъ былъ раненъ и оставилъ поле сраженія; подвассальные татары, остяки и вогуличи, видя это, пали духомъ и, не сознавая цѣли упорной борьбы за владычество иновѣрца Кучума, стали мало по малу тоже оставлять поле сраженія; сначала ушли остяки, а за ними и вогуличи. Къ вечеру 25-го октября для сибирскаго владѣльца окончательно выяснилось, что дальнѣйшее сопротивленіе, послѣ бѣгства союзниковъ, для татаръ невозможно. Спасая что было можно, татары въ ночь на 26-е октября бѣжали вверхъ по Иртышу, оставивъ побѣдителямъ, какъ главный кучумовскій кишлакъ (по однимъ „Сибирь", а по другимъ „Искеръ"), такъ и другіе окрестные кишлаки: Сузгунъ, Абалакъ Бешке.... Утромъ 26-го октября Ермакъ занялъ опустѣвшіе киш-

лаки уже безъ всякаго сопротивленія со стороны татаръ. Масса оставленнаго въ торопяхъ имущества, дорогой пушнины и всякаго рода продовольствія, послужили наградою побѣдителямъ за долгое терпѣніе и всё до сихъ поръ ими содѣянное.

Дальше слѣдовать, пока, было некуда, да и не зачѣмъ. Казаки остановились зимовать. Напуганные татары, очистивъ окрестности, присмирѣли. Съ другой стороны, подначальные до сихъ поръ татарамъ мѣстные и сѣверные инородцы, остяки и вогуличи, поспѣшили признать владычество новыхъ, какъ оказалось болѣе сильныхъ пришельцевъ—русскихъ. На третій-же день послѣ бѣгства татаръ, къ Ермаку явился съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ и ясакомъ князецъ Баяръ, а за нимъ вскорѣ и Яскалбинскихъ и Суклемскихъ заболотныхъ волостей владѣльцы Ишбердей и Суклемъ съ товарищами[1]). Ермакъ сразу очутился въ положеніи, если не самостоятельнаго владѣтеля окрестной страны, то по меньшей мѣрѣ уполномоченнаго посланца отъ издавна страшнаго для за-уральскихъ странъ своимъ могуществомъ Московскаго Царя. И Ермакъ, какъ оказалось, съумѣлъ поставить себя въ глазахъ инородческихъ князьковъ и держать себя достойно въ роли такого посланца. Все дальнѣйшее его поведеніе въ странѣ и дѣйствія рисуютъ его уже далеко не тѣмъ разбойничьимъ предводителемъ, какимъ онъ былъ на Волгѣ и по ту сторону Уральскаго хребта, а скорѣе какъ царскаго воеводу. Гордый, быть можетъ, сознаніемъ свершеннаго имъ подвига, а также предвидя неизбѣжность обращенія, если не къ царской, то по крайней мѣрѣ къ строгановской помощи, Ермакъ рѣшительно входитъ въ роль какъ-бы оффиціальнаго представителя Московскаго государства. Дѣятельно заводитъ и поддерживаетъ съ инородцами дружественныя сношенія, успокоиваетъ ихъ, уговариваетъ ихъ жить какъ и при Кучумѣ, приводитъ ихъ отъ имени Московскаго Царя къ шерти или присягѣ, облагаетъ ихъ ясакомъ и т. д. и т. д. Выходящій изъ ряда обыкновенныхъ умъ этого человѣка, при новой, почетной для него обстановкѣ, сталъ проявляться все

[1]) Ремезовъ, ст. 82.

болѣе и болѣе. Дружа и задабривая чѣмъ можно не только подневольныхъ инородцевъ финскихъ племенъ, но и бывшихъ доселѣ ихъ властителей татаръ, Ермакъ принялся устраиваться въ занятой странѣ, возможно прочнѣе. Долгимъ опытомъ предшествовавшихъ своихъ похожденій онъ отлично понималъ, что взятіе у полукочеваго и бродячаго народа центральнаго кишлака или, какъ громко его называютъ наши историки, „столицы“ Сибири, представлявшей въ сущности не болѣе какъ зимовое стойбище кочевниковъ, легко возводимое гдѣ угодно, далеко еще не было концомъ дѣла; покорились, и то только до первой неудачи, одни ближайшіе бродячіе и кочевые инородцы; всё же, что было подальше — признавало, какъ и до сихъ поръ, Кучума или не подчинялось никому; до Руси было болѣе тысячи верстъ; Ермакъ находился какъ на островѣ среди обширнаго, волнующагося, неспокойнаго и могущаго его затопить моря.

Несомнѣнно, что молва о всемъ содѣянномъ Волжскою вольницею съ служилыми людьми Строгановыхъ „за камнемъ“ быстро разнеслась повсюду и скорѣе всѣхъ достигла до главнѣйшихъ виновниковъ всего этого „заворуя“, какъ выражается Сибирскій лѣтописецъ Ремезовъ. Стараясь оправдаться предъ грознымъ царемъ, всего годъ тому назадъ выразившимъ свой гнѣвъ на самоуправство при-Камскихъ богачей и стремленіе поссорить его съ Сибирскимъ владѣльцемъ, богачи эти поспѣшили, конечно, дать знать въ Москву о покореніи этого владѣльца. Лѣтописцы говорятъ, что и самъ Ермакъ, пользуясь дружественными отношеніями къ помянутому выше князьцу Ишбердею, предложившему ему свои услуги по дачѣ „вожей“ на Русь, снарядилъ, вскорѣ по занятіи Искера, свое легкое посольство, которое въ ту-же зиму „волчьею дорогою“ (т. е. нужно полагать кратчайшею) пробралось на лыжахъ сначала въ Пермь, а затѣмъ и въ самую Москву. По показаніямъ Ремезова, во главѣ этого посольства былъ отправленъ знаменитый атаманъ Иванъ Кольцо. Въ Строгановской и Есиповской названія главы посольства нѣтъ. Мы тоже склонны думать, что имя Кольцо въ лѣтописномъ сказаніи Ремезова постав-

лено только для красы, или изъ естественнаго стремленія приставить ко всѣмъ сколько либо замѣтнымъ дѣламъ имена лицъ, такъ или иначе себя прославившихъ. Едва-ли Ермакъ могъ рѣшиться отправить или выдать главнѣйшаго своего сподвижника на волю грознаго и своенравнаго царя, всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ присудившаго Кольцо за разбои къ смертной казни.

Посольство это, по словамъ лѣтописцевъ, особенно такъ называемаго „новаго" или Черепанова, встрѣчено было въ Москвѣ съ необыкновенною радостью и торжествомъ. Вездѣ (яко-бы) служили благодарственные молебны и звонили въ колокола. Самъ Царь Грозный Иванъ Васильевичъ въ торжественной аудіенціи посланцамъ ермаковымъ объявилъ имъ прощеніе и милость; всѣмъ казакамъ опредѣлилъ свое великое жалованье и дары, а Ермаку пожаловалъ двѣ брони, серебряный кубокъ и шубу съ плеча царскаго. „Въ ласковой грамотѣ, (говоритъ Карамзинъ), Царь объявилъ казакамъ вѣчное забвеніе старыхъ винъ и вѣчную благодарность Россіи за великую услугу; назвалъ Ермака *Княземъ Сибирскимъ*". Строгановымъ, по словамъ ихъ лѣтописца, Государь за ихъ службу и радѣніе пожаловалъ Семену—два мѣсточка Большую и Малую Соль на Волгѣ, а Максиму и Никитѣ право торговать во всѣхъ своихъ городкахъ безпошлинно.

Трудно, конечно, за неимѣніемъ достовѣрныхъ данныхъ судить, насколько въ этихъ сказаніяхъ правды, но несомнѣнно, кажется, что радость царская и народная по этому случаю раздута поклонниками Ермака далеко болѣе чѣмъ то было въ дѣйствительности. Ни въ одномъ изъ оффиціальныхъ данныхъ мы не встрѣчаемъ этому подтвержденія; даже, напротивъ, единственный дошедшій до насъ правительственный документъ, относящійся къ разсматриваемой эпохѣ, указъ Царя Ивана Васильевича Строгановымъ, отъ 7-го января 1584 года рисуетъ далеко не ласковое отношеніе его къ виновникамъ сибирскаго похода. Увѣдомляя Строгановыхъ о распоряженіи своемъ послать въ Сибирь правительственную рать, царь строго обязываетъ ихъ сначала дать посылаемому туда князю Семену Болховскому съ ихъ острож-

ковъ въ *зимній* сибирскій походъ „пятьдесятъ человѣкъ на коняхъ";—а потомъ, убѣдившись, что зимній походъ въ Сибирь невозможенъ, приказываетъ тѣмъ-же Строгановымъ дать по вскрытіи водъ „подъ нашу рать и подъ запасъ пятнадцать струговъ со всѣмъ струговымъ запасомъ;" а въ концѣ добавляетъ: „Такъ вы бы тотчасъ велѣли изготовить къ веснѣ струги, чтобъ за ними воеводамъ въ вашихъ острожкахъ и часу не мѣшкать. *А не дадите судовъ тотчасъ и нашему дѣлу учинится поруха, то вамъ отъ насъ бытъ въ великой опалѣ*". Лицамъ, оказавшимъ великую услугу и тѣмъ на кого сыплются царскія милости, такъ не пишутъ. Очевидно, царь былъ неособенно доволенъ тѣмъ, что Строгановы, ради своихъ выгодъ, прикрываясь услугами государству, втянули его въ сибирскія дѣла, которыя еще Богъ вѣсть чѣмъ окончатся, въ то время, какъ серьезная война на западѣ требовала всѣхъ наличныхъ воинскихъ силъ государства. Еще менѣе правдоподобно идущее въ разрѣзъ со всѣми установившимися въ тѣ времена обычаями и порядками преданіе о пожалованіи въ князья человѣка столь подлаго рода, какъ Ермакъ[1]).

Уже въ февралѣ слѣдующаго, за полученіемъ извѣстія о сибирскихъ дѣлахъ, года къ Ермаку прискакалъ изъ Москвы, по выраженію лѣтописца, „вѣрный человѣкъ царевъ, аки слуга христовъ пернатъ перелетѣвъ" съ радостною вѣстью о царскихъ милостяхъ и рѣшеніи отправить на помощь къ Ермаку царскихъ ратниковъ. Означенная здѣсь версія о времени отправленія и возврата посольства Ермака, совершенно устраняетъ, повергавшій въ недоумѣніе почти всѣхъ историковъ, вопросъ, почему такъ долго медлилъ Ермакъ посылкою извѣстія въ Москву о занятіи Искера и почему затѣмъ такъ долго Московское правительство медлило отправкою подкрѣпленія къ Ермаку. Допустивъ предположеніе,

---

[1]) *П. Н. Буцинскій*. Былъ-ли Ермакъ пожалованъ въ князья? Записки Западно-Сибирскаго Отдѣла Импер. Русск. Геогр. Общ. 1880 г. кн. II. *М. Пуцилло*. Къ вопросу, кто былъ Ермакъ Тимофеевъ, покоритель Сибири. Русск. Вѣстн. 1881 г. № 11.

что Ермакъ отправился въ Сибирь въ 1582 г. и занялъ Искеръ въ 1583 г., а не въ 1581 или 1582, какъ думали (по моему мнѣнію, совершенно невѣрно) до сихъ поръ, вопросы эти сами собою падаютъ. Оказывается, что Ермакъ далъ знать о своихъ завоеваніяхъ немедленно-же по занятіи Искера, а царь Иванъ Васильевичъ въ ту-же зиму распорядился отправить подкрѣпленіе на коняхъ, и только убѣдившись, что конный зимній походъ въ Сибирь невозможенъ, отложилъ походъ до весны, предписывая, однако-же, какъ сказано выше, отправить людей на стругахъ по водополью „тотчасъ“ и „часу не мѣшкать“.—(Указъ отъ 7-го января 1584 г.).

Между тѣмъ Ермакъ всю зиму 1583—1584 г. провелъ въ занятыхъ имъ кишлакахъ близь устья Тобола, укрѣпляясь и обезпечиваясь отъ всякихъ случайностей на будущее время. Разстроенные и „сбитые съ куреня“ татары, подавшись вверхъ по Иртышу, тоже сидѣли, собираясь съ силами на весну. Только разъ еще въ началѣ зимы, воспользовавшись оплошностью 20-ти казаковъ, ловившихъ рыбу близь Абалацкаго зимовья, какъ говорятъ, подъ водительствомъ самого Маметкула, напали на неосторожныхъ и перерѣзали всѣхъ ихъ на мѣстѣ. Въ отместку за такую дерзость, казаки, по указанію одного изъ дружественныхъ имъ мурзъ, выслѣдили Маметкула и напавъ на него близь Кударова зимовья (верстахъ въ 50-ти отъ Искера вверхъ по Иртышу, не доѣзжая устья Вагая), также неожиданно, ночью, перерубили множество татаръ и захватили самого Маметкула въ плѣнъ. Это было въ февралѣ мѣсяцѣ. Около того-же времени, съ цѣлью удостовѣренія въ дѣйствительности мирныхъ завѣреній остяцкихъ князьковъ и для объясаченія таковыхъ на мѣстѣ, Ермакъ командировалъ внизъ по Иртышу въ Демьянскія и Назымскія юрты одного изъ своихъ атамановъ Никиту Пана съ пятидесятникомъ Демьяномъ *Брязгою*. Первый изъ нихъ, впрочемъ, вскорѣ въ одной изъ кровопролитныхъ стычекъ съ объясачиваемыми инородцами былъ убитъ и весь дальнѣйшій поискъ къ устьямъ Иртыша (впередъ лыжно, а обратно стружно) свершилъ одинъ Брязга съ

полусотнею казаковъ[1]). Судя по даннымъ Ремезовской лѣтописи, Брязга дѣйствовалъ смотря по обстоятельствамъ—то убѣжденіями, то силою.... Покорные приносили ему что могли сами, а непокорные принуждались къ тому копьями, саблями и пищалями; наиболѣе-же строптивые разстрѣливались и вѣшались казаками за ноги внизъ головою. Гибель сильнѣйшихъ, устрашая слабыхъ, заставляла однихъ изъ нихъ отдавать пришельцамъ всё, что тѣ требовали, а другихъ бѣжать—въ дальнія тундры, оставляя на волю и милость побѣдителей женъ и дѣтей своихъ.... Брязга возвратился въ Искеръ въ концѣ мая 1584 г., привезя съ собою обильные запасы всего, что только можно было такъ или иначе добыть отъ при-иртышскихъ и при-обскихъ инородцевъ[2]).

Между тѣмъ Ермакъ, захвативши Маметкула тщетно ожидалъ со стороны Кучума сколько либо рѣшительныхъ дѣйствій. Сбитый съ куреня, сибирскій владѣлецъ, вмѣсто того чтобы съ наступленіемъ весны съ новыми силами ринуться на русскихъ пришельцевъ, откочевалъ еще дальше къ югу. Причина этого заключалась въ возгорѣвшейся вновь борьбѣ двухъ владѣтельныхъ родовъ—Шейбанидовъ и Тайбугидовъ. Послѣдніе во главѣ съ Сейдякомъ, двинулись изъ Ишимскихъ степей на сѣверъ и заставили обезсиленныхъ уже русскими кучумовцевъ—шейбанидовъ отойти за Вагай въ при-Омскія степи.

Убѣдившись въ достаточной безопасности съ этой стороны, но безпокоясь въ то время съ другой стороны о долгомъ не приходѣ

---

[1]) Относительно этого похода, или вѣрнѣе поиска, наши историки, исходя изъ двухъ разнорѣчивыхъ показаній Ремезовской и Строгановской лѣтописей, не сходятся. Одни, не упоминая ни объ Ермакѣ, ни о Панѣ приписывали все Брязгѣ; другіе, совсѣмъ не упоминая о Брязгѣ, ставятъ во главѣ поиска самого Ермака съ Паномъ, котораго онъ лишился въ этомъ походѣ. Мы, придерживаясь ближе къ Ремезову, до извѣстной степени миримъ двѣ крайности, ставя во главѣ сначала Пана, а послѣ его смерти Брязгу. Главенство самого Ермака для насъ мало вѣроятно, какъ по тому, что посланный на сѣверъ отрядъ былъ очень не великъ, такъ и потому, что Ермакъ не могъ не понимать въ виду плѣненія Маметкула и близости Кучума, что его мѣсто не тамъ на остяцкомъ сѣверѣ, а здѣсь на югѣ у Искера фронтомъ къ татарамъ.

[2]) Ремезовъ, ст, 73--80.

обѣщаннаго еще зимою подкрѣпленія съ Руси, Ермакъ Тимофеевъ, какъ только возвратился изъ своего поиска Брязга, самъ двинулся съ устьевъ Тобола вверхъ по этой рѣкѣ и Тавдѣ на встрѣчу ожидаемой русской рати князя Болховскаго. Въ Искерѣ остались атаманы Кольцо и Михайловъ съ товарищами.

Тавда съ впадающею въ нее Лозвою, были давними изведанными путями для сношеній какъ русскихъ съ Сибирью, такъ и, наоборотъ, сибиряковъ съ русскими. И въ этотъ разъ, какъ предполагалъ Ермакъ, Болховской съ своею ратью дѣйствительно, переваливъ черезъ Уральскій хребетъ, вышелъ на Лозву, которою и поплылъ на заготовленныхъ по царскому указу Строгановыми стругахъ. Только явился сюда онъ далеко позже, чѣмъ предполагалъ Ермакъ и чѣмъ то обѣщано было Царемъ тотчасъ по полученіи извѣстія о положеніи казаковъ въ Сибири.

Спѣшно поднявшись вверхъ по Тавдѣ, Ермакъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ ея устья при Паченкѣ встрѣтилъ многолюдное скопище вогуловъ Лабутана князьца, заградившихъ было ему дальнѣйшій путь къ соединенію съ идущими подкрѣпленіями, но послѣ упорнаго кровопролитнаго боя очистившихъ загражденный путь и пропустившихъ Ермака далѣе. Быстро слѣдуя все выше и выше, Ермакъ старался не задерживаться въ пути мелкими дѣлами съ попутными вогуличами; а потому — „что мимоходомъ урвалъ, то и наша добыча“, какъ выражается лѣтописецъ[1]). Но какъ онъ ни спѣшилъ, а къ началу заморозковъ въ этихъ сѣверныхъ, холодныхъ мѣстахъ никого изъ русскихъ не встрѣтилъ. Пришлось остановиться въ раздумьи что дѣлать. Лѣтописецъ говоритъ, что въ столь неопредѣленныхъ обстоятельствахъ, завоеватель „Сибири“ прибѣгъ къ содѣйствію одного изъ мѣстныхъ порицателей будущаго, вогульскому шаману, или „шайтанщику“. Послѣдній объявилъ, что о дальнѣйшемъ слѣдованіи на Лозву, за позднимъ временемъ нечего и думать, ибо горы занесло уже снѣгомъ; лучше возвратиться къ своимъ сотоварищамъ на Тоболъ, гдѣ его ждетъ окончательное покореніе Кучума. Ермакъ

[1]) Ремезовъ, ст. 49—52.

возвратился, но вынужден был за остановкою замерзших уже рек бросить на пол-пути струги и продолжать дальнейшее следование к Искеру пешком, преодолевая, конечно, при этом все неудобства такого похода в холодную пору и таща на себе все путевое продовольствие и захваченный у вогулов ясак. Следует иметь в виду, что в те времена северная Сибирь очень мало знала лошадей; да и не одна северная, но и средняя, где еще в половине прошлаго столетия лошади за дорогия цены приобретались из монгольских, ногайских и „киргизских" степей. Сухопутных сообщений почти не существовало и единственным сколько либо сносным путем могли служить (и служили все XVI и XVII столетия) только многоводныя сибирския реки.

Истомленный трудным походом и разочарованный в посылке подкрепления с Руси, Ермак не на радость явился и в Искер. В его отсутствие здесь все сильно изменилось к худшему. Кольцо и Михайлов, оставленные наблюдать за кучумовцами, как оказалось, не сумели соблюсти должной осторожности в сношениях с ордынцами и чуть не погубили всего начатаго Ермаком дела. Первый из этих атаманов, доверившись ложным заверениям помянутаго выше Карачи в дружбе к русским, отправился к последнему всего с 40-ка человеками для подачи помощи против ногайцев и пал жертвою своей доверчивости, вместе со всеми своими сподвижниками. Другой атаман Михайлов, отправившийся было на выручку товарищей, также попал в засаду и погиб со многими казаками. Кучумовцы, ободренные такою успешностью своих действий против пришельцев, сделались смелее и перешли в наступление. Как раз к этому времени возвратился в Искер и Ермак[1]).

[1]) Предлагаемая здесь версия разсказа о гибели Кольцо и Михайлова в отсутствие Ермака, а не при нем, как повествуют летописцы, кажется автору, настоящаго изследования более вероятною, потому что время погибели названных атаманов по летописцам совпадает как раз с временем похода Ермака на Тавду; да и свидетельствуемый теми-же летописцами неожиданный переход кучумовцев в наступление более понятен при малом отряде Кольца с Михайловым, чем при самом Ермаке с главными силами, хотя-бы то и на половину уничтоженными.

Поправивъ дѣло насколько то было возможно, Ермакъ сталъ устраиваться къ новой зимовкѣ.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ, когда повидимому была уже совершенно потеряна надежда на приходъ подкрѣпленій съ Руси, явился въ Искеръ князь Болховской съ стрѣльцами и прочими „служилыми людьми“, посланными изъ Москвы съ царскимъ „жалованьемъ“ казакамъ за ихъ сибирскую службу. Можно представить радость Ермака и уцѣлѣвшихъ казаковъ столь давно ожидаемому подкрѣпленію; съ приходомъ правительственныхъ ратниковъ ермаковская вольница уже окончательно становилась въ ряды царскихъ служилыхъ людей. Къ сожалѣнію трудный походъ по пустынямъ Сибири, населеннымъ бѣдными и къ тому-же враждебными пришельцамъ инородцами, сильно разстроилъ московскую рать какъ физически и матеріально, такъ и нравственно. По сказанію лѣтописцевъ, и въ самомъ Искерѣ московская рать Болховскаго, не встрѣтила необходимыхъ, послѣ множества лишеній, удобствъ и обезпеченнаго продовольствія. Вскорѣ этотъ недостатокъ продовольствія обратился даже въ голодъ и при томъ настолько сильный, что люди стали мерѣть десятками; открылись болѣзни – цинга, лихорадки, тифъ. Самъ Болховской, не вынеся страшныхъ лишеній, тоже умеръ. Мѣсто его заступилъ ближайшій помощникъ его Иванъ Глуховъ.

Видя крайнюю затруднительность положенія русскихъ, татары, въ мартѣ мѣсяцѣ слѣдующаго 1585 года, во главѣ съ Карачею, облегли русскій станъ со всѣхъ сторонъ. Положеніе русскихъ стало еще болѣе затруднительнымъ. По словамъ лѣтописца Ремезова, имъ пришлось даже ѣсть трупы своихъ умирающихъ товарищей.... Только съ наступленіемъ весны, когда вскрылись рѣки и появилась трава, русскіе вздохнули свободнѣе. Приверженные къ нимъ остяки и вогуличи, явились съ наловленною по водополью рыбою, а тѣснившіеся до того времени въ душныхъ и зараженныхъ сакляхъ ратники вышли на свѣжій воздухъ. Съ возстановленными физическими силами, воспрянулъ и духъ уцѣлѣвшихъ отъ голода и лишеній русскихъ. Въ маѣ мѣсяцѣ (а по сло-

вамъ строгановскаго лѣтописца въ іюнѣ) атаманъ Матвѣй Мещерякъ, воспользовавшись одною изъ удобныхъ къ нападенію ночей, сдѣлалъ смѣлую вылазку въ лагерь осаждающихъ, и проникнувъ до стана самого Карачи, близь Саускана, перерѣзалъ массу спавшихъ татаръ, вмѣстѣ съ двумя сыновьями Карачи. Эта смѣлая вылазка, поддержавшая и прочіе осажденные русскіе гарнизоны, такъ устрашила татаръ, что они нашлись вынужденными снять осаду и снова удалиться на югъ за Вагай въ низовья Оми, гдѣ въ это время съ своими приверженцами скитался и самъ Кучумъ.

Удача, какъ и всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, ободрила русскихъ и вселила въ нихъ новыя надежды на успѣхъ и поддержку съ Руси, тѣмъ болѣе, что по сказанію лѣтописцевъ, вскорѣ-же по прибытіи въ Сибирь Болховскаго, въ Москву былъ отправленъ плѣненный въ 1583 г. Маметкулъ, съ завѣреніемъ самого Болховскаго, что дѣло Ермака дѣйствительно обѣщаетъ закрѣпленіе за Москвою обширной и богатой страны и потому заслуживаетъ всякой поддержки. Въ слѣдующую-же весну, т. е., въ 1585 г., какъ только вскрылись рѣки, изъ Москвы отправлена была въ Сибирь, подъ начальствомъ воеводы Матвѣя *Мансурова*, новая рать. Рать эта однако-же, какъ увидимъ ниже, застала русскихъ уже далеко не въ томъ положеніи, какъ доносилъ о семъ Болховской.

Укрѣпляя въ Сибири русскую власть, Ермакъ Тимофеевъ старался показать предъ мѣстными инородцами не только воинскую мощь русскихъ, но и, такъ сказать, культурное ихъ превосходство. По крайней мѣрѣ не подлежитъ сомнѣнію, что покоряя этихъ народцевъ, онъ тотчасъ-же старался вселить въ нихъ увѣренность и въ томъ, что въ лицѣ русскихъ они встрѣчаютъ властителей не только сильныхъ и справедливыхъ, но и способныхъ поддержать всякіе ихъ труды и начинанія въ области хозяйства, ремеслъ и торговли. Быстро освоившись съ ролью царскаго служилаго человѣка, облеченнаго (или, лучше сказать, облекшаго себя) властью какъ-бы воеводы (особенно послѣ смерти князя Болховскаго), Ермакъ съ удивительнымъ, для человѣка его первоначаль-

ной профессіи, административнымъ тактомъ, велъ устройство занятой русскими страны. Авторитетъ и главенство его признавались въ странѣ и войскѣ даже съ приходомъ царскихъ войскъ, подчиненныхъ лицу съ княжескимъ титуломъ и боярскимъ званіемъ. По крайней мѣрѣ ни въ одной изъ лѣтописей мы нигдѣ не встрѣчаемъ не только проявленія какой либо инициативы въ дѣлахъ со стороны Болховскаго или Глухова, но даже и вообще упоминанія о какихъ либо дѣйствіяхъ ихъ и вновь прибывшихъ въ Сибирь войскъ. Вездѣ и всё приписывается Ермаку Тимофеевичу. Даже всѣ пришлые ратники въ показаніяхъ лѣтописцевъ обращаются въ казаковъ; ни въ одномъ изъ сказаній о дѣйствіяхъ русскихъ послѣ прихода князя Болховскаго и Глухова, мы не встрѣчаемъ названій „стрѣльцы“ или даже вообще „служилые люди“ хотя несомнѣнно, что сколь ни разстроенною явилась въ Сибирь правительственная рать и какъ ни порѣдѣла она отъ болѣзней и голода въ самомъ Искерѣ, все-таки, численность ея по меньшей мѣрѣ равнялась еще болѣе порѣдѣвшей къ тому времени казацкой рати.

Желая насколько возможно обезпечить занятыя русскими мѣста отъ повтореній только что отраженнаго нашествія татаръ подъ водительствомъ Карачи (а можетъ быть и наказать его), Ермакъ въ то-же лѣто, не удовлетворившись раззореніемъ главнаго становища Карачи при Саусканѣ, плавалъ съ частью своихъ „казаковъ“ вверхъ по Иртышу и, какъ говорятъ, проникнувъ за Ишимъ, опустошилъ на своемъ пути все, что было возможно. Съ устья р. Шиша (недалеко отъ нынѣшняго города Тары), гдѣ, повидимому, уже кончались поселенія полуосѣдлыхъ сибирскихъ татаръ и начинались степи кочевниковъ—погаевъ, въ средѣ которыхъ искалъ теперь приверженцевъ Кучумъ, Ермакъ возвратился обратно. Но не доплывая устьевъ Вагая, онъ получилъ извѣстіе, что въ ишимскихъ степяхъ, бухарскій караванъ, желавшій проникнуть съ товарами въ занятый русскими Искеръ, былъ задержанъ кучумовцами[1]). Желая помочь каравану въ преодолѣніи встрѣчен-

[1]) Бухарцы были издавна почти единственными представителями торговли во всей западной части Сибири. Торговые караваны ихъ, какъ до появленія

ныхъ препятствій и въ то-же время показать съ какою охотою новые хозяева готовы вступить въ торговыя сношенія съ представителями богатаго и промышленнаго юга, Ермакъ быстро повернулъ въ Вагай и поплылъ вверхъ по нему до пункта пересѣченія его съ караванною дорогою (по однимъ урочище Атбашъ, а по другимъ Агитскаго городка). Простоявъ здѣсь нѣсколько дней въ тщетномъ ожиданіи каравана и убѣдившись изъ произведенныхъ развѣдокъ, что извѣстіе о бухарцахъ было ложью или, что быть можетъ, они вынуждены кучумовцами оставить свое намѣреніе дойти до Искера, Ермакъ повернулъ обратно внизъ по Вагаю. Въ устьѣ этой рѣки, не зная, что далеко еще не усмиренный, но лукавый врагъ устроилъ для русскихъ родъ засады, Ермакъ съ своими товарищами остановился на почлегъ, какъ оказалось безъ принятія должной предосторожности. Такое пренебреженіе казаковъ къ бдительности и рѣшимости татаръ и погубило Ермака, послѣ столькихъ, свершенныхъ имъ подвиговъ и испытанной казалось бы его предусмотрительности. Тёмною дождливою ночью 6-го августа 1585 г., во время крѣпкаго сна казаковъ, татары окружили ихъ превосходными силами и вырѣзали всѣхъ до одного, прежде чѣмъ они могли прійти въ себя отъ неожиданности нападенія. Самъ Ермакъ, говорятъ лѣтописцы, благополучно отбившись отъ массы насѣдавшихъ на него противниковъ, достигнувъ берега, прыгнулъ уже было на одинъ изъ близь стоящихъ струговъ, но промахнулся, упалъ въ воду и подавленный тяжестью своихъ металлическихъ доспѣховъ утонулъ въ Иртышѣ.

Вѣсть о страшной катастрофѣ близь устья Вагая и гибели главнаго предводителя русскихъ въ Сибири, быстро разнеслась повсюду, произведя между татарами неописанную радость, а между оставшимися въ Искерѣ русскими паническій страхъ. Глуховъ и Мансуровъ, сознавая своё безсиліе въ борьбѣ съ противникомъ,

---

здѣсь русскихъ, такъ и послѣ, вплоть до текущаго столѣтія проникали и на Иртышъ, и на Тоболъ, и Туру, и Омь, и Обь. Главнѣйшій путь этихъ каравановъ на Искеръ шелъ сначала вдоль праваго берега Иртыша; нѣсколько сѣвернѣе Оми пересѣкалъ Иртышъ и шелъ прямо Ишимскою и Вагайскою степью къ устью Тобола. См. ст. *Г. Н. Потанина.* „Бухарская торговля въ Сибири“.

одолѣвшимъ Ермака, быстро собрались и посадивъ на струги уцѣлѣвшихъ еще отъ всѣхъ сибирскихъ невзгодъ сотоварищей (говорятъ числомъ всего до 150 челов.), не ожидая уже близко слѣдовавшаго съ Руси подкрѣпленія съ служилыми людьми, отплыли внизъ по Иртышу, торопясь еще до рѣкостава проникнуть рѣдко населеннымъ остяцкимъ краемъ въ Обь и далѣе по Сосвѣ за Камень.

Очищенный русскими Искеръ немедленно-же былъ занятъ пандвинувшимися съ верховьевъ Иртыша татарами съ сыномъ Кучума царевичемъ Алеемъ впереди.

Приплывшій вскорѣ послѣ этого къ Искеру русскій отрядъ Мансурова, узнавъ о крутой перемѣнѣ обстоятельствъ, только что происшедшей здѣсь, не рѣшился испробовать своихъ силъ въ борьбѣ съ вновь взявшими засилье татарами и повернувъ съ Тобола въ Иртышъ, быстро прослѣдовалъ мимо Искера этою рѣкою внизъ по слѣдамъ Мещеряка и Мансурова.

Какъ извѣстно, отрядъ Мансурова зазимовалъ близь устьевъ Иртыша въ построенномъ имъ-же городкѣ или зимовьѣ. Здѣсь-же (какъ нужно полагать, распутываясь въ противорѣчивыхъ показаніяхъ лѣтописцевъ), онъ соединился съ атаманами Ермаковской рати подъ водительствомъ Мещеряка и Глухова.

Такъ, пока, завершилась столь успѣшно и громко начатая Ермакомъ, прелюдія великаго присоединенія къ Россійскому государству громадной, въ нѣсколько разъ превышающей своею величиною самую метрополію, страны, названной по имени раззореннаго Ермакомъ полукочеваго татарско-остяцкаго царства въ низовьяхъ Тобола и Иртыша—Сибирью. Погибъ Ермакъ, но не погибло его дѣло. Дѣло это взяло на себя Русское Правительство и довело его, какъ извѣстно, до благополучнаго конца.

Г. Катанаевъ.

1-го Мая 1893 г.
г. Омскъ.

